Тогда автобиографически будут звучать и слова: „се же бе написах и бежах от лица художества моего“. И. И. Срезневский переводит слово „художество“ в „Слове“ Даниила Заточеника как „худые дела“, но почему нельзя считать, что под художеством понимается занятие ремеслом или искусством, от которого бежал Даниил, совершив преступление? Тогда в лице Даниила Заточеника мы можем увидеть ремесленника или художника. Подобный человек мог хорошо знать литературу и несмотря на свой „юный возраст“ быть выдающимся художником, находиться, по его собственным словам, „в славе“ до своего преступления.

„Написание“, дошедшее до нас в позднем списке, представляется нам памятником, ближе всего стоявшим к первоначальному произведению Даниила Заточеника. Развитие легенды о Данииле можно наблюдать по Толстовскому списку. В него вставлен рассказ о том, как Даниил писал в заточении на Бело-озере, запечатал свои словеса в воск и бросил в озеро. Пойманную рыбу отнесли к князю, который прочел „Написание“ и велел освободить Даниила.

В этом предании уже встречаем термин „написание“. Интересно противоречие между указаниями летописи на заточение Даниила на озеро Лаче и свидетельством Толстовского списка о нахождении Даниила на Бело-озере. Вероятно, это зависело от стремления осмыслить каламбур „Слова“ о Бело-озере и Лаче-озере. Для нас это служит важным указанием на то, что уже в конце XIV века существовало указание на Лаче-озеро как на место заточения Даниила. Это указание могло и не иметь какого-либо реального значения, а только было литературным домыслом. „Слово“ и „Моление“ представляются нам развитием того, что было дано в „Написании“. Сравнение Даниилом самого себя с пчелой, характер памятника с его афоризмами, связали „Написание“ с „Пчелой“ как сборником нравоучений и обеспечили произведению Даниила популярность. На основании „Написания“ возникли „Слово“ и „Моление“, но пересмотр их взаимоотношений не входит в задачи данной статьи.

— —